

С о л д а т — всегда солдат

ДВА месяца на больничной койке. Каждый день одно и то же — уколы, перевязки, лечебные процедуры.

— Поправляйся, парень, успеешь еще повоевать, — добродушно шутит на обходе врач, а в глазах его Баласан читает другое: «Навряд ли тебе придется вновь попасть на фронт. После такого ранения обычно списывают из строя».

Но Баласан твердо стоит на своем: «Хочу на фронт, выписывайте!» И перед упорством и настойчивостью бойца болезнь отступает. Завтра его выписывают, и уже известно, что он направляется на курсы подготовки офицерского состава.

Последняя ночь в госпитале. Не спится. Баласан лежит, подложив под голову руки, уставившись глазами в потолок. «Что ожидает его впереди? Как сложится дальнейшая судьба?» А перед глазами один за другим всплывают суровый пейзаж родного Азадека, знакомые лица, мать...

В 1930 году после смерти отца осталась она с тремя детьми. Старшему, Баласану, двенадцатый год. Пришлось учиться и работать. Окончил семилетку, вступил в комсомол. После школы трудолюбивого паренька назначили заведующим сельским клубом.

Увлёкся, по-настоящему наладил работу. Все чаще молодежь собиралась вечерами в клубе, даже из соседних сел стали приходить на огонек парни и девушки.

Потом — учеба по комсомольской путевке на курсах в Ереване. После курсов — год работы в школе. Избрали секретарем комсомольской организации. Хорошо работал комсомольский вожак, выдвинули на работу в райком комсомола.

Пришло время идти в армию. — Будешь служить в кавалерии, из тебя выйдет лихой кавалерист, — сказал председатель комиссии.

Война. По тревоге выгружались ночью в районе Могилева. Командир эскадрона сказал:

— Нам приказано прикрыть отступление.

И эскадрон аллюром понесся на Запад, навстречу врагу. За три часа проскакали более 40 км. На рассвете при выходе из леса попали под артиллерийский обстрел. Спешились. Конводы увели лошадей в лес.

Атаку за атакой отбивали бойцы-кавалеристы. Сраженный вражеской очередью, падает смертельно раненый командир взвода лейтенант Гончаров. Баласан принимает командование взводом на себя. Не считаясь с огромными потерями, немцы рвутся вперед. Но атака за атакой разбивается о неприступную оборону кавалеристов.

Ночью Баласана вызвал командир эскадрона. Разговор был короток: «Нужен язык».

Пробрались в деревню. Баласан заметил, что немецкие солдаты группами наведываются в колхозный курятник и выходят оттуда с кудахтающими курами. Смекнул — удачное место засады. Пролезли в курятник через окно, притаились в темноте. Немцы заходят по несколько человек. Увлеченные охотой на кур, они иногда чуть не цепляются ногами за спрятавшихся в кормушках разведчиков.

Наконец, групповое шествие прекратилось. Через несколько минут в курятник вошел один, пошевелил фонариком, приготовился схватить большого петуха, но Егназарян закрыл ладонью фашисту рот, схватил его за горло: «Молчи!».

На полуживого от страха нем-

ца навалились и другие, быстро скрутили руки, запихнули в рот клеп и утащили.

Много ценного вывели у фашиста в штабе. А наутро княжальным и фланговым огнем пулеметов и кавалерийских карабинов был встречен враг. Тяжелое ранение в бою в тот жаркий день и привело Баласана сюда в госпиталь.

ТАК и не уснул Баласан в ту ночь. А утром в далекую Армению полетело письмо: «Первому секретарю ЦК ЛКСМ Армении товарищу А. Кочиняну. Только что выздоровел и вышел из госпиталя. Был ранен вражеской пулей. Скоро отправлюсь на фронт. Прошу считать меня коммунистом. Я не пожалею жизни для защиты своей Родины. Защищая Украину, я защищаю и свою родину — Армению, родных и товарищей. Егназарян Баласан. 25 сентября 1941 года».

Вернулся Егназарян на фронт лейтенантом. Принял минометную батарею и — в бой. В одном из сражений немцы нанесли сильный танковый удар. Метко били минометчики по наступающей пехоте. Убийственный огонь батареи заставил фашистов залечь, не доходя до нашего переднего края. Оставляя на поле боя подбитые и горящие танки, оставшиеся без поддержки пехоты немецкие танкисты не раз возвращались к исходным рубежам, снова и снова переходили в атаку.

С наблюдательного пункта Егназаряну было видно, как, добившись успеха лобовыми атаками, немцы стали обходить наших бойцов с флангов. Связь с командиром батальона прервалась. Баласан принял решение: перенести огонь батареи по одному из флангов, где у противника явно наметился успех. Минометный огонь заставил немцев перенести артиллерийский огонь на батарею Егназаряна. Грохот разорвавшегося не вдалеке снаряда оглушил Баласана.

Очнулся он ночью на руках бойцов своей батареи.

— Где мы, что с батареей, — еле слышно произнес Баласан.

— Командир ожил, — обрадовался старшина батареи, оставшийся среди устало шагавших бойцов старшим и, тяжело вздохнув, рассказал, что оборону не удалось удержать. Фашисты прорвались, и батальон пробивается из окружения на восток, к своим.

— А минометы где? Где минометы? — почти закричал Баласан.

— Разбиты артиллерийским огнем врага. Из всего батальона в живых осталось человек двадцать. Офицеры все погибли... Шли ночами, обходя населен-

ные пункты. Днем отдыхали в лесах и оврагах. Питались лесными ягодами и грибами.

Однажды остановились на отдых в камышах, недалеко от маленькой деревушки. На закате солнца Баласан решил сходить в деревню, уточнить обстановку.

Осмотревшись и убедившись, что немцев в деревне нет, Баласан спрятал пистолет за пазуху и зашел в первую же избу. Хозяйка сказала, что немцев нет. Потом сказала:

— Видишь дом. Там живет всеми уважаемый человек, Иван Стрекозов. Иди к нему — он все расскажет, а я ничего не знаю.

В указанной избе Баласан застал пожилого, но еще крепкого мужчину.

Убедившись, что перед ним действительно офицер Советской Армии, Стрекозов рассказал, что наступление немцев остановлено, фронт отсюда недалеко, но перебраться сейчас к своим невозможно — очень много в этом районе немецких войск. И предложил пока остаться здесь, в Каменке, обещав при первой же возможности помочь перейти линию фронта. Спрятав оружие в надежном месте, Баласан ночью привел бойцов в деревню. С помощью Ивана Стрекозова разместили людей по избам.

Деревушка эта стояла на отшибе в 5—6 км. от большака, окруженная с трех сторон топкими болотами и камышами. Не только немцы, но и полиция сюда не заглядывали. Немецкая администрация надеялась на старосту. А тот оправдывал доверие своих хозяев — устраивал проверки по избам. Но убедившись, что пришельцы ничего не замышляют, усердно выполняют хозяйственные работы, успокоился и ослабил внимание.

Этого только и ждал Баласан. Поделится своими мыслями с Иваном Стрекозовым, в доме которого жил в качестве «батрака». Баласан уже знал, что районный активист, коммунист, с искалеченной кулацкой пулей правой рукой, бывший пока вне подозрения Иван Михайлович Стрекозов оставлен здесь райкомом партии для организации подпольной работы, «Начнем», — согласился Стрекозов.

Было известно, что в соседнем районе уже организован и действует партизанский отряд. Решили связаться с ним. Баласан оделся в старую крестьянскую одежду, вооружился косой, вилами, и пошел. На третьи сутки «косарь» был уже в партизанском отряде. С командиром отряда договорились, что группа Баласана будет пока находиться в Каменке, подбирать людей, собирать оружие и проводить диверсионную работу в своем районе.

Как на крыльях, несся Баласан обратно. По пути заглянул в тайник, где было спрятано оружие, забрал свой пистолет.

(Окончание следует).

И. ТОРКАНОВ,
майор.

С о л д а т в с е г д а с о л д а т

В СЕ чаще стали недосчитываться оккупанты своих солдат и офицеров. Запылали в округе склады, на минах подрывались немецкие машины. Поступали известия, что немцы усиливают гарнизоны в больших селах. В Каменке пока все оставалось по-прежнему. Бойцы днем занимались хозяйством, рано уходили спать, поздно вставали. А ночью... Небольшими группами выходили на ночную охоту за 10—15 км от своего жилья. И никому не приходило в голову, что участвовавшие диверсии—дело рук новых «мирных» жителей Каменки.

А утром, как ни в чем не бывало, партизаны выходили на работу. Стали поступать известия, что в соседних селах немцы устраивают повальные обыски и облавы. Посоветовавшись со своим политруком Иваном Стрекозовым, Егиазарян решил этой же ночью увести людей из села.

Ничто не предвещало беды. В положенное время семья Стрекозовых села за стол обедать. Шум приближающихся машин заставил насторожиться. Баласан выглянул в окошко и присел: из остановившихся машин выскакивают немецкие солдаты и быстро разбегаются по домам. Два немца в сопровождении старосты направились и ко двору Стрекозовых. «Надо бежать»,— первая мысль. «Этого делать нельзя,—подсказывает рассудок.—И сам погибнешь, и остальных погубишь».

Баласан достал из карманов партийный билет, удостоверение личности офицера, пистолет и передал Стрекозову. Тот приподнял угол матраца на детской кровати, засунул туда переданные вещи и, как ни в чем не бывало, сел за стол.

— Вот он при большевиках ходил в активистах,— староста указал пальцем на Стрекозова,—а этот, видимо, какой-то начальник,—кивнул он в сторону Баласана.

— Бог с вами, какой я активист? А это мой батрак,—выставляя вперед изувеченную руку, спокойно поднялся из-за стола Иван Михайлович.

— Молчать, собака...

От удара прикладом Стрекозов летит на пол. Дуло немецкого автомата уперлось в грудь Баласана.

В селе арестовали еще одного, остальных не тронули. Допрос в комендатуре. Ничего не добившись, полуживого, истерзанного Баласана Егиазаряна бросили в лагерь для военнопленных. И началось...

Украина, Польша, Германия. Голод, холод, побои, издевательства, эпидемии... В феврале 1944 года перегнали в Грецию на строительство железной дороги. Здесь Баласан вместе с Бабкеном Нерсесяном создал подпольную группу и готовился к побегу. Через местных жителей, работавших на строительстве вместе с военнопленными, наладили связь с греческими патриотами. Договорились бежать в одну из ближайших ночей.

Немцы усилили охрану лагеря, а подозрительную армянскую группу перевели на более тяжелые работы в район города Янико. От непосильных работ, недоедания, плохих условий жизни в лагере вспыхнула эпидемия тифа. Вместе с другими больными Баласана отправили в госпиталь в город Флора. Охрана небольшая. И Егиазарян снова начал готовиться. Вскоре было сколочено надежное ядро, в которое вошли Ваган Бунагян, Хорен Сарибекян, Мисак Хачатрян. Работавший в госпитале местный житель, армянин по национальности, указал адрес в соседнем городе Лариса, где они могли расчитываться на помощь греческих армян.

В один из летних дней во время дневной прогулки из выздоравливающей команды госпиталя бежала группа армян в количестве около 25 человек. Немцы сбились с ног, перевернули весь город и окрестные села вверх дном, а беглецов и след простыл. А в это время беглецы были далеко, в другом городе. Оставив своих товарищей у железнодорожного вокзала, Баласан направился в город искать магазин Заре Дургутяна.

ВЕСТЬ о побеге группы армянских военнопленных быстро облетела армянские семьи города. Каждый хотел чем-нибудь помочь попавшим в беду советским людям. Долго и шумно обсуждали план доставки гостей в горы, в лагерь греческих партизан. Трудность заключалась в том, что подступы к горам сильно охранялись немцами и никого на эту территорию без документов и пропусков не допускали. Остановились на плане, предложенном Дургутяном.

Ранним утром веселая свадебная кавалькада в составе трех фазтонов выехала за город. На первой повозке, окруженные многочисленной «родней», восседали счастливые «жених и невеста». От деревни к деревне быстро продвигалось свадебное шествие. Щедро угощенные сигаретами и вином, немецкие патрульные бегло осматривали гуляющих и, не обнаружив ничего подозрительного, разрешали ехать дальше.

Передав группу Баласана пришедшим из деревни греческим патриотам, организаторы «свадьбы» тепло распрощались с ними. К обеду советские бойцы были в партизанском лагере. Бывший уже там Заре Дургутян познакомил всех с командиром отряда.

Так люди из далекой Армении встали в ряды освободителей Греции и плечом к плечу с греческими патриотами храбро сражались против фашизма.

Сначала из армян была создана отдельная группа во главе с Айказом Нагапетяном. Когда советские бойцы овладели греческим языком, их распределили по взводам и ротам отряда. Егиазарян был назначен командиром взвода.

Партизанское движение ширилось. Кроме диверсий партизаны стали переходить и к наступательным действиям. Было решено уничтожить немецкий гарнизон в городе Ламаи. В разведку была послана группа во главе с Егиазаряном. В крестьянской одежде с полными корзинами ягод на рассвете партизаны вошли в город. Отпуская своих товарищей, Баласан поставил задачу:

— Коста и Мичо—разведать вражеские укрепления, вам, девушки,—проникнуть на территорию военного городка, я с Мисаком займусь изучением системы охраны на подступах к городу. Сбор здесь, вечером.

Данные разведки были ценны. После пятидневной подготовки партизаны ночью окружили город. Бесшумно сняли охрану. Налет был до того неожиданным, что многие немецкие солдаты повскакивали из казарм без оружия, в нижнем белье. Сильный бой разгорелся в районе артиллерийского парка, где у немцев находилось караульное помещение. Подоспевшие на помощь армяне помогли грекам быстро расправиться с немцами и здесь.

В ответ на смелую партизанскую вылазку немцы ответили новым большим наступлением на партизан. С тяжелыми боями отряд уходил в горы. Уничтожая на своем пути все живое, сжигая греческие деревни, каратели подступили к центру партизанского края—небольшому городку Костры. Чтобы отрезать партизанам дорогу в горы, немецкое командование бросило в обход города танковую часть. Едва успел взвод Егиазаряна закрепиться на одной из высот, как Баласана вызвали к командиру отряда и дали задание—взорвать мост.

— От вас зависит судьба отряда,—сказал командир.

Путь пролегал через высокие взгорья, горные кручи, покрытые мелким колючим кустарником. Бежать под палящими лучами солнца да еще с тяжелым грузом—трудно. Люди задыхаются, падают, цепляясь ногами за камни, но упорно продвигаются вперед. Вот и мост. Баласан отдает распоряжение: заложить под мост взрывчатку, занять по краям дороги оборону и замаскироваться.

На дороге показались два танка, шедшие на большой скорости.—разведка, следом двигалась колонна.

Пропустив разведку, Егиазарян взорвал мост. Вместе с обломками камня и бетона в пропасть полетел первый танк. Колонна остановилась. Немцы оказались в мешке. В упор разили партизаны врага. Не один десяток танков остался на поле боя.

Вот что писало командование греческим партизанским движением в характеристике Баласану Егиазаряну:

«Привел из плена группу в составе 25 человек и с ними в жестоком трехчасовом бою в районе Лианколади проявил героизм. В этом бою он захватил немецкое оружие и другое оружие врага. Участвовал в подрыве железнодорожных мостов, дорог, используемых немцами. Так же героически сражался он в боях под городом Ламаи, где проявил стойкость и отвагу. Неоднократно выполнял и другие трудные задания».

СЕЙЧАС Баласан Григорьевич Егиазарян живет у себя на родине—в Азизбекове. Работает он в райфинотделе бухгалтером. Ведет большую работу среди призывников, помогает воспитывать молодежь в духе преданности Родине, партии.

И. ТОКРАНОВ,
майор, сотрудник Ехегна-
дзорского РВК Армянской
ССР.